

“Мы с Володей катались на его “Запорожце” по ночному Ленинграду и распевали песни”

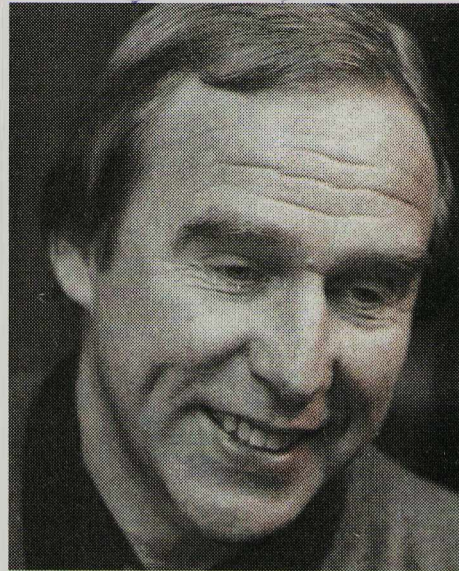
Сергей Ролдугин — Газете

В Петербургской консерватории произошла бескровная революция. Как уже рассказывала Газета, прежний ректор, Владимир Чернушенко, занимавший руководящее кресло 23 года, написал прошение об отставке, назначив и. о. ректора Сергея Ролдугина, профессора кафедры виолончели и друга Владимира Путина. Официально новый глава консерватории может быть утвержден в должности после вузовских выборов. В ректорском кабинете с Сергеем Ролдугиным встретилась Гюляра Садык-заде.

«он заприметил меня как-то рядом с Путиным»

Как к вам поступило предложение выставить свою кандидатуру на выборы ректора? Идея давно муссировалась в консерваторских кругах, среди частных лиц. Подходили знакомые, говорили: «Вот если б ты был бы...» На что я всегда отвечал: «Это не мое дело. Мое дело — си-бемоль, фа-диез». Административными делами я, в общем, никогда не занимался. Хотя мне приходилось участвовать в организации фестивалей, концертов. Мы делали фестивали в Латвии, в Германии.

Уровень общественных ожиданий в отношении вашей кандидатуры был довольно высок.

Фотограф: Михаил Разуваев/Газета

Меня вызвал в Москву, в министерство, Михаил Ефимович Швыдкой. До этого я с ним знаком не был — так, встречались пару раз на приемах, но никогда не разговаривали. Здоровались пару раз. Возможно, он меня заприметил как-то рядом с Путиным. И все, он, наверное, и не знал, кто я такой.

Окончание на странице 06

“Мы с Володей катались на его “Запорожце” по ночному Ленинграду и распевали песни”

Сергей Ролдугин — Газете

Окончание. Начало на странице 01

Правда, однажды он приехал в Питер, сопровождал японского премьер-министра. Помню, меня срочно вызвали в театр: перед высокими гостями Лопаткина «Умирающего лебедя» танцевала, а я должен был этого «лебедя» играть. После концерта Швыдкой подошел, мы тепло поздоровались. А до концерта я никак не мог попасть в театр через оцепление. Приехал, припарковался, вылезая со своей виолончелью: туда нельзя, сюда нельзя. Милиционеры не пускают: кто знает, может, я в футляре гранатомет несю. Помыкался я по площади со своей бандурой, устал — тяжелейшая вещь — и говорю им: «Так, ребята. Если сейчас не пройду — пеняйте на себя; считайте, концерта не будет». Они помялись немного, а тут как раз Михаил Ефимович подходит. Я к нему: помогите, мол. И он меня провел. Вообще, у меня богатый опыт таких разговоров. Как-то раз вот так же меня и Фараха Румизматова на режимный спектакль не пускали. Я и тогда им сказал: «Спектакля не будет, а вы будете отвечать. Мы, музыканты, народ нервный, вот у меня уже и руки дрожат». Возымело действие. Ну вот, а тут вдруг вызывают в министерство. И Швыдкой мне сообщает, что есть такая мысль, меня — ректором, и как я на это смотрю. Я уже понимал, что назначения не избежать. Хотя кроме моей кандидатуры выплывало и много других имен, и все они обсуждались: Александр Чаikovский, Игорь Роголев, Александр Титов.

Но Чайковский — это непроходная фигура. Он же учился в Москве, а в уставе записано, что ректором может стать только выпускник Санкт-Петербургской консерватории. Да, но тогда я не знал этого. Сейчас мы говорим к изменению устава, работа ведется. И я, в принципе, против такого ограничения: чтоб только выпускник нашей консерватории имел право занимать ректорское кресло. Но как отнесется вузовская конференция к моему предложению, я не знаю.

Но изменение этого параграфа может повлечь за собой приход «варяга» в исконно петербургское заведение. Причем в учебное заведение, призванное вырабатывать собственные кадры... Ну а как быть, если не выросло?.. Я понимаю все значение традиций в стенах этого учреждения. Но нельзя исключать и вероятность появления какого-нибудь замечательного московского человека или рязанского, который станет хорошим ректором.

Какие первые шаги вы собираетесь совершить, вступив в должность? Собираюсь не споткнуться на этих первых шагах.

Как складывалась ваша биография? Родился на Сахалине, в семье военного. Отца перевели служить в Ригу, когда мне было три года. Семья осела в Риге. Мама преподавала математику в местной школе. Папа у меня умер, а мама сейчас очень сильно болеет. И я всегда ищу возможность послать ей денег, потому что в Риге теперь стало очень сложно жить. Там живет и мой старший брат с семьей, тоже отставной военный. А в Латвии военные и их семьи — изгой. Брат мой имеет и гражданскую специальность, он энергетик. Переехать в Россию мои родные не могут, потому что в Риге живут и родители жены брата, тоже больные и немощные. И брату приходится крутиться на две семьи. Слава Богу, у нас хорошая, дружная семья, и все мы стараемся друг другу помогать.

Часто ездите в Ригу? Очень редко. Вот в январе собираюсь выехать, хоть на три дня, к маме поехать. Без комка в горле не могу с ней по телефону разговаривать.

Вы учились в знаменитой рижской музыкальной школе-десятилетке... В знаменитейшей. Там учились и Миша Майский, и Олег Каган, и Валера Майский, и Гидон Кремер, Янсон там начинал учиться. Даже Барышников; помню, я ему тетрадку школьную давал. У нас в школе ведь и хореографические классы были. Арифметику и прочие общеобразовательные предметы ребята из хореографического училища проходили вместе с нами. В Риге струнная школа считалась сильной; так что, когда я поступал в Ленинградскую консерваторию, проблем у меня никаких не возникло. Два года я проучился в классе Алексея Алексеевича Лазько. Потом ушел от него по чисто творческим соображениям. Мне не очень нравилось, как играют ученики Алексея Алексеевича, зато очень нравилось, как играют ученики Анатолия Павловича Никитина. Конечно, Алексей Алексеевич очень доброжелательно и старательно со мною занимался. Но мне хотелось все-таки самому выяснить,

почему ребята из класса Никитина так здорово играют. То, что в классе Лазько я был одним из лучших студентов, меня совершенно не удовлетворяло. Мне хотелось иных высот, другого качества игры. Хотелось понять, что же такое происходит на уроках Никитина, что делает его учеников особенными.

Из класса Лазько вы ушли мирно? Я ниоткуда мирно не уходил. Пришел к Лазько, сказал ему: «Извините, Алексей Алексеевич, но я хочу уйти из вашего класса». На что он ответил: «Да ради Бога!», — развернулся и ушел. Он был человек цельный и гордый и меня не удерживал.

Однако нужно же было заручиться и согласием Анатолия Павловича? Я так и поступил. И стал одним из «никитинцев»: ученики Никитина — это ведь особая каста. Очень многие стали лауреатами, сплошь и рядом виолончельные группы в оркестрах города составлены из его учеников. В его классе царит суровая дисциплина: есть особые правила, которых нужно придерживаться. У нас было строго: лить нельзя, балбесничать и хулиганить нельзя. Вообще, личность Анатолия Павловича очень сильно влияла на наши неокрепшие умы, да и на окрепшие тоже. Как? Если б знать; это необъяснимо. Вместе с тем Анатолий Павлович — самый компанейский и веселый человек. Если ты попадаешь к нему на шашлык, на дачу, то уезжаешь лежать. Никто не может противиться его человеческому обаянию — но это в мирной жизни. А в классе это мирным обаянием и идиллией никак нельзя было назвать. У него там принято жесткое, бескомпромиссное отношение к качеству. После вердикта Никитина, как после прививки, уже не боялись никаких комиссий, никаких экзаменов и никаких иных авторитетов. Он был для нас как щирь, и Бог — а что остальные скажут, нам было совершенно неважно.

Когда начали играть в оркестре Мравинского? С 1974 года, я тогда на четвертом курсе учился. Меня на конкурс Никитин направил, но как! Сказал: «Знаешь, иди, поиграй конкурс. Ты, конечно, не пройдешь. Твое законное место как виолончелиста — последний пульт Магаданской оперетты». Вот так он с нами разговаривал. Я пришел, сыграл конкурс в оркестр. Вместе со мною играли шикарные, сильные ребята. Но прошел я. И десять лет потом при Мравинском работал.

Именно в этот период вы познакомились с Владимиром Путиным? Совершенно верно. Мой старший брат приехал в Питер на курсы повышения квалификации в университет. Там они и познакомились с Владимиром Владимировичем. Уезжая, брат оставил мне его телефон, забывая обо мне. Все-таки я жил один, был оторван от дома, а Володя был ленинградцем. Брат хотел, чтобы у меня появился хороший товарищ. Я описываю эту историю в своей книжке «От первого лица», как складывались наши отношения. Короче говоря, позвонил я Владимиру Владимировичу. Мы с ним встретились, долго мне пришлось тайком удирать из казармы, перелезая через забор. Я в ту пору служил в армии. Потом мы с ним катались на его «Запорожце» без глушителя по ночному Ленинграду и распевали песни.

Так у Путина уже был свой «Запорожец»? Он его выиграл, в лотерею. В книжке и об этом прописано. Потом мы часто встречались, ходили вместе в гости, я к ним домой ходил. Иногда и выпивали. Я его в филармонию водил, объяснял, что и как, где сидит, и почему, и зачем нужен дирижер. Как надо слушать музыку. Помню, играли Пятую симфонию Шостаковича, и я объяснял, что там за музыка, что в ней нужно услышать. Потому что когда непосвященный человек приходит на концерт, он попьет соку в буфете, сидит в зале. Музыка начинается, а он ничего не понимает. А если нормально ему объяснить, то очень даже интересно получается. А говорить занудным тоном, что «концептуальные задачи автора проявились в теме тромбона» (я сейчас лектору подражаю) — это скучно. Ой, я столько лекторов наслушался! Конечно, попадают и хорошие, но редко. Лектор должен быть и артистом, и психологом, а не засушенным педантом.

Что ж, это хорошо, что вы в свое время с Володей Путиным музыкальный ликбез провели. Сейчас это позитивно сказывается на отношении власти к академической музыке... Еще бы: семь грантов выделили, и каких, на оркестры и консерватории — не шутка! У Путина и дочка занимаются на скрипке, до сих пор. Хотя я им говорил: ребята, иг-

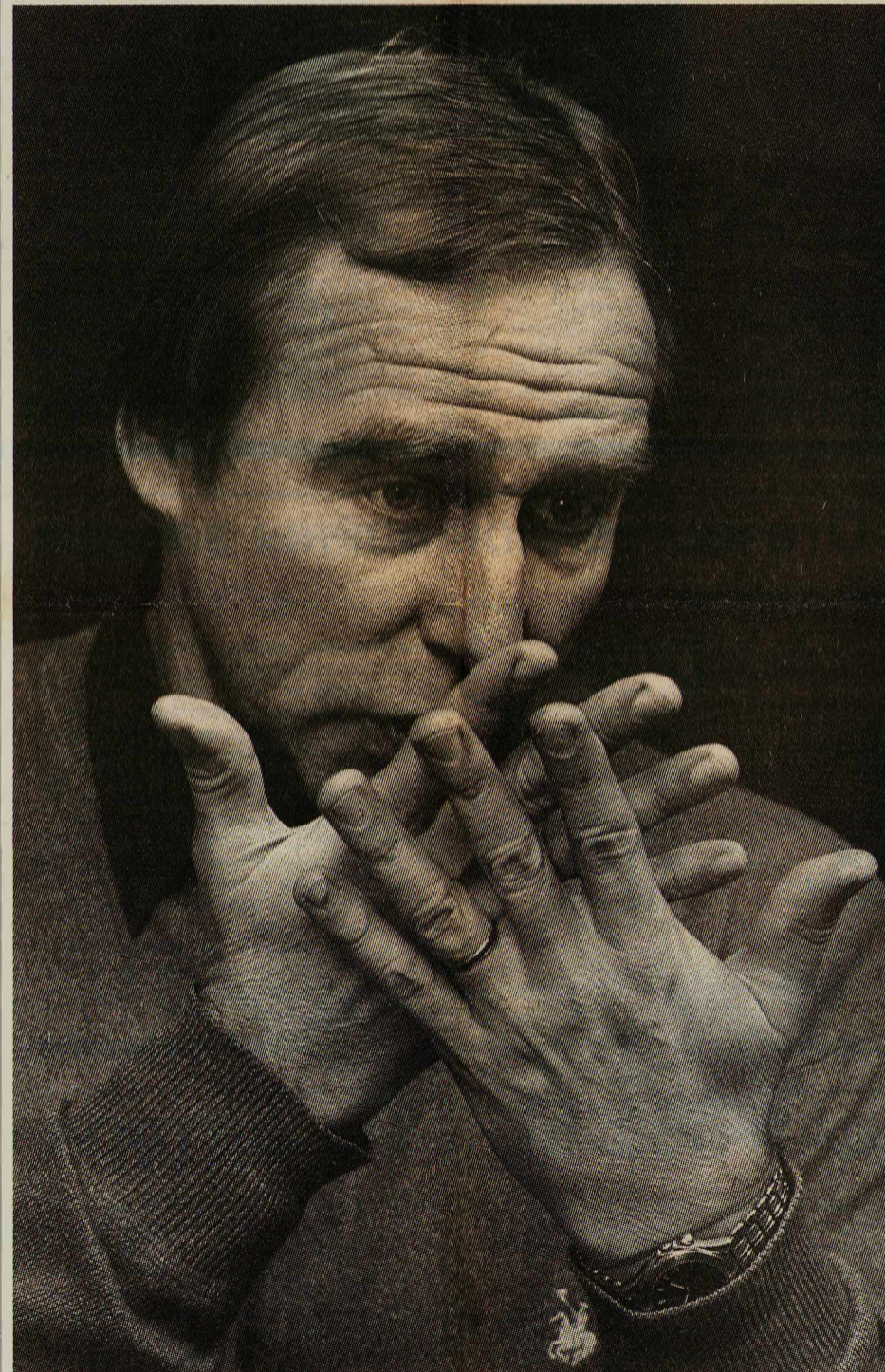
рать на скрипке только для себя — это чужий! Но девочки и на фортепиано умеют. Младшая, Катя, ей сейчас шестнадцать лет, даже написала мюзикл на английском языке: и музыку, и слова. Я кусочек послушал — мне понравилось.

Вы были крестным отцом старшей дочери президента, Марии. Каким образом в советское время вы смогли отважиться совершить обряд крещения? Ведь это могло повредить и вашей карьере, и карьере Путина? Тогда уже наступила либерализация. Шел 1985 год, и все сошло нормально. Крещение провели в Невской лауре.

А когда начался ваш роман с Ирой Никитиной, дочкой вашего учителя? Я уже в оркестре работал. Ей тогда было всего восемнадцать, она еще в школе-деся-

рельскую тайгу, под Зеленогорск; тогда это было вполне безопасно. Деньги у меня лежали на полке в шкафу; я даже не знал, сколько их там было. К моменту женитьбы у меня собралось около одиннадцати тысяч. А я их даже в Сберкассу не отнес.

Так вы были богатым женихом? Да, наверное. В рестораны я не ходил, не было такой привычки. От филармонии мне дали комнату, пока я служил в армии. Я поступил в аспирантуру и пошел служить родному городу. Год отрубил в оркестре штаба Ленинградского военного округа, научился играть на духовых, и мне это страшно нравилось. Полгода, пока не дали комнату, ночевал в казармах. Потом перебрался в свое новое жилище. Прежние жильцы оказались хорошими людьми: оставили мне стол, на котором я и спал в первую ночь,

Сергей Ролдугин: «Административными делами я никогда не занимался. Мое дело — си-бемоль, фа-диез» Фотограф: Михаил Разуваев/Газета

тилетке училась, пианистка. У нас ведь разница в десять лет. Я раньше ее не смотрел на нее, она маленькая была девочка. А потом раз-раз — они вдруг вырастают. Так и началось.

Как вам работалось при Мравинском? В советские времена мы, музыканты из оркестра Мравинского, считались богатейшими людьми. Когда я получил свою первую зарплату, двести пятьдесят рублей, мне казалось, я могу купить весь мир. Помню, как я ехал в метро с этими деньгами и был совершенно счастлив. Это понятно: когда я учился в консерватории и жил в общежитии, иногда приходилось существовать на рубль в день. Родители мне, конечно, помогали. Но в семье никогда не было много денег. Раз в месяц я получал перевод на шестьдесят рублей, еще получал повышенную стипендию в сорок пять рублей, потому что учился неплохо. Но когда я получил двести пятьдесят — для меня это были огромные деньги. Мы с оркестром еще и ездили за границу. Я купил себе машину, она стояла под окнами. И моим любимым развлечением стало уехать после концерта куда-нибудь в ка-

подстелив под себя шинель и поджав ноги. Тогда-то я и понял, какой я костякый. Не то, что сейчас.

Ну, вы и сейчас в неплохой форме. Спортом занимаетесь? А как же, обязательно, очень даже люблю. Айжибо. Но начинал я с карате, давно еще. Когда я развелся с Ирой, моей первой женой, я решил сделать две вещи: выучить английский язык (немецкий я знал) и заняться карате. Я всегда хотел этого, но как-то времени не было. А тут остался один, сам себе предоставлен — и втянулся. Осуществил свои мечты. В общем, пошел в карате. Сначала понравилось: хорошая гимнастика и все такое. Но потом я понял, что в карате все равно — кто сильнее, тот и прав. Кто нарастил огромные бицепсы — тот и побеждает.

Как так? А почему считается, что в карате рост и вес не имеют значения, главное — мастерство? Это только в кино так показывают. Дурят нашего брата почем зря. А вот айжибо — там другая концепция. Там как раз кондиции не играют роли. Но и там все достаточно относительно.

Одно время в Марининском театре составлялись группы карате, с которыми занимались приглашенные вьетнамцы... Было такое, но я как-то пришел на занятия и понял, что профанация это. Стрижка денег — и ничего больше.

Да, но мы, однако, несколько отвлеклись. Почему вы ушли из оркестра? Разругались с Мравинским? Ну как какой-то виолончелист может разругаться с великим Мравинским? Вышел скандал, это правда; мощный скандал. Дело в том, что я никогда не любил играть в оркестре. Я мечтал играть сольные концерты. Концертировать — вот что мне нравится. Не ради денег; я был готов играть без гонораров. Но чтобы иметь время и возможность играть самому, пришлось играть в оркестре и зарабатывать деньги. Покупать себе свободные дни, чтобы потом поехать куда-нибудь за свои и сыграть концерт.

Мне нужно было участвовать в конкурсах, получать лауреатство. А Мравинский на конкурсы не пускал. Говорил: «Не нравится работать у меня, убирайтесь к чертовой бабушке!» Вот и весь разговор. Практически обманым путем я все-таки вышел на отборочное прослушивание. Раньше перед тем как за границу на конкурсы посылать в Москве предварительные отборы проводили. Я взял билетень, чтобы не выйти на концерт оркестра. Соответственно на репетиции к концерту меня тоже не поставили. И тогда я тайком съездил в Москву, сыграл, и меня отоборили. Раскрылась моя тайна только тогда, когда из Министерства культуры в филармонию письмо прислали насчет меня, извещали, что я отобран для участия в конкурсе. Я поехал, получил свое лауреатство — это был конкурс «Пражская весна». Меня, естественно, стали включать в планы гастрольных поездок. А Мравинский сказал: «У меня свои гастроли. Не нравится — уберитеесь!».

И как вы поступили? Ушел в Марининский театр, к Темирканову. Потому что понял, что иначе всю жизнь так и просижу в оркестре. Меня это делала на своем посту. Отъезжают о ней хорошо как о профессионале, миротворце и замечательном человеке. Кроме того, с оркестровым музыкантом никто насчет сольных концертов серьезно и договариваться не станет, я же буду выступления срывать, у оркестра же свои гастроли, графики, приходится все время отпрашиваться... Но по молодости я думал, что это реально — совмещать работу в оркестре с концертничеством. Это оказалось заблуждением. Началу в Кировском театре Темирканов давал играть свои концерты. А когда Гергиев пришел, такая закрутилась работа, что времени просто физически не оставалось.

Правда, в Марининском театре я создал себе особые условия. Норовил все больше балетные спектакли открывать. Во-первых, у балета поездок меньше. Во-вторых, всегда можно поменяться с кем-то, договориться и не прийти. А у Валеры разве я бы мог с кем-нибудь поменяться? Так что я все больше по балету специализировался. Сейчас, девятого декабря, играл в Малом зале Глазунова свой «выборный» концерт, к конкурсу на должность. Про себя подумал: если плохо сыграю — значит, пора в администраторы. В общей сложности я проработал десять лет в филармонии и пятнадцать лет в театре. Начинается новый этап в жизни. Но о будущем пока остерегусь говорить. Сейчас такой момент, миг между прошлым и будущим, в нем я и живу. Вот, у всех выходные дни, а я работаю. Привык, что нет выходных никогда. В ближайшие дни пойдут встречи чередой, потом занятия со студентами. У меня четырнадцать человек в классе. Но, видимо, придется класс сокращать, я не потяну столько. Причем ко мне все ученики ходят, паразиты, прилежно. Хоть бы «матали» уроки, что ли, иногда, я бы, слово даю, сквозь пальцы смотрел! Так нет, все ходят и ходят; ну ничего, теперь половину повыгоняю.

Какими делами сейчас приходится заниматься прежде всего? Делами их назвать нельзя — скорее, делюшками. Встречаюсь с проректорами, разбираюсь в тонкостях учебного процесса, только что занимался вопросами допуска недопуска студентов к зимней сессии. Осуществил свои мечты. В общем, пошел в карате. Сначала понравилось: хорошая гимнастика и все такое. Но потом я понял, что в карате все равно — кто сильнее, тот и прав. Кто нарастил огромные бицепсы — тот и побеждает.

Установка у меня такая: сначала самому все досконально понять, как все работает, и только потом принимать решения. Каждый день наваливается куча мелких проблем. Параллельно с решением хозяйственных дел уже сегодня я должен продумать и начинать закладывать перспективные задачи по развитию консерватории.

В марте планируется провести выборы ректора. Если они пройдут успешно для вас, будете ли вы менять состав ректората? Я не настолько хорошо знаком с проректорами и с их деятельностью, чтобы отвечать сегодня. Советчиков у меня появилось в последние дни много, и некоторые настойчиво советуют: всех надо выгонять, всех! Советами я обеспечен: мне их дают теперь примерно каждые три часа, регулярно, может, и чаще. Я слушаю всех и думаю. Однако если следовать примеру президента — говорят, меня вводят в должность по президентской модели, — то как раз не надо всех сразу выгонять. Путин, во всяком случае, не так поступил. Он действовал медленно и осторожно, без эксцессов. И мне бы хотелось менять состав постепенно, эволюционным путем. А может, и не придется никого менять? Посмотрим, пока я хочу понять, что, как и где работает. И мне до зарезу нужны люди, деловые и надежные.

Как же вы, проработав много лет в консерватории, умудрились не узнать проректоров? Знать-то я их знаю, но что делается в консерватории, как ведутся дела — в это обо мне не вникал. Приходил к себе в класс, тихонько, по стеночке коридорной, занимался с учениками и уходил. А чтобы пристально интересоваться работой проректоров — нет, этим не страдал. Вот, например, Лариса Георгиевна Динько, человек уважаемый, в высшей степени приятный. Я ее знаю давно, мы даже в какие-то поездки вместе ездили. Но, хотя я и представляю себе, в чем заключаются ее обязанности проректора по научной работе, я никогда не вникал в то, что она делала на своем посту. Отъезжают о ней хорошо как о профессионале, миротворце и замечательном человеке.

Однако вы не можете не учитывать, что рано или поздно в профессорско-преподавательском составе произойдет естественная смена поколений. То, что на место шестидесятилетнего Чернушенко пришли вы, отчасти и является зримым выражением этой тенденции. И в конце концов, существует же Устав консерватории и Трудовой кодекс, в котором четко прописан возрастной ценз — шестьдесят пять лет. В консерватории многие профессора уже в возрасте. И что делать — ждать, что само собою рассосется? Ждать, что само собою рассосется, — путь известный. Но этим путем я лично идти не собираюсь. Сначала я должен убедиться сам, кто делает дело, кто — нет. Независимая рация и занимаемое положение. И потом нужно будет определяться с перспективами этих людей.

Вы много лет проработали в оркестре Марининского театра. Будете уходить? Уже ушел. Написал заявление одиннадцатого марта. Но, конечно, связей с Марининским театром порывать не собираюсь.

Как будете строить отношения с учреждением напротив? В Марининском театре в последнее время стало модным словечко «реконструкция». Так вот, я готов к реконструкции отношений консерватории и театра. И собираюсь вести диалог со всеми конструктивными силами, которые я сочту таковыми. Если из театра будут поступать интересные консерватории предложения, я готов их рассмотреть. Вообще, я открыт любому позитивному сотрудничеству. Летом грядет большой фестиваль «Звезды белых ночей». На него приглашены зарубежные оркестры, однако выступать им негде: площадка Марининского занята спектаклями, а филармония в силу особых обстоятельств ныне закрыта для инициативы театра. Оркестры собираются выступить в Смольном соборе, где акустика чудовищная. Пойдет ли консерватория навстречу Гергиеву, предоставит ли сцену Оперной студии? То есть разрешит ли то, что раньше было абсолютно неприемлемо? Я думаю, да. Если концерты не мешают учебному процессу и не войдут в противоречие с интересами консерватории. Зал консерваторского театра часто отдается в аренду. Но может возникнуть масса технических проблем: оснащение сцены еще более устарело, чем в Марининском театре.